История Смоленского лютеранского кладбища

Смоленское лютеранское кладбище расположено в южной части острова Декабристов (б. Голодай), на правом берегу Смоленки. В перспективе 16—17-й линий издалека заметны зеленые кроны деревьев, возвышающиеся над оградой некрополя, а за Смоленским мостом возникают старинные ворота на массивных каменных пилонах, прорезанных арочками калиток.

В плане некрополь имеет форму неправильного шестиугольника (площадь около семи гектаров), сильно вытянутого в северо-западном направлении, вдоль переулка Декаб-ристов (б. Голодаевский), который отделяет его от соседнего Армянского кладбища. С севера, со стороны Железноводской улицы, кладбище теснит жилая и промышленная застройка, с востока угрожающе надвигаются безликие строения производственного предприятия и личных гаражей.

Смоленское лютеранское кладбище—одно из самых старых в городе. Здесь сохраняется множество памятников, представляющих высокую историческую и художественную цен-ность,—колонны, жертвенники, стелы, саркофаги. На некоторых из них сохранились фраг-менты скульптурного убранства—барельефные портреты, изваяния плакальщиц и ангелов. Большая же часть памятников находится в ужасающем состоянии: разрушены склепы, сломаны ограды, поврежденные мраморные скульптуры покрыты пятнами краски и чернил, оставленных праздными хулиганами. Потери, понесенные некрополем,— огромны и ничем не оправданны. Большие участки в наиболее старых частях кладбища—южной и централь-ной—сейчас вообще лишены памятников. Но даже в разоренном и запущенном виде Смоленское лютеранское остается ценнейшей частью петербургского некрополя.

От ворот начинается вымощенная плитами главная дорожка, пересекающая некрополь в продольном направлении. Заросшие травой поперечные дорожки, некогда разделявшие кладбище на участки, трудно проходимы. При сильном дожде, в осеннюю и весеннюю распутицу многие участки затопляются водой и делаются практически недоступными.

Справа от ворот возвышается одно из самых замечательных надгробий этого некропо-ля— склеп Е. К. Чичаговой. Это прямоугольный мавзолей из блоков пудостского камня, на фронтоне которого помещен мраморный аллегорический рельеф. Внутри находился скульптурный памятник, созданный в 1812 г. И. П. Мартосом. В 1930-е гг. памятник перенесли в Музей городской скульптуры, и сейчас опустевший склеп используется в качестве кладбищенской сторожки.

Слева от главной дорожки, в южной части некрополя, сохраняются монументы на могилах известных исторических деятелей. Среди них гранитная колонна на могиле академика Е. И. Паротта—первого ректора возрожденного в 1802 г. Дерптского универ-ситета, массивные саркофаги выдающегося физика П. Л. Шиллинга, лейб-медика Я. Вил-лие, основателя Одессы адмирала И. де Рибаса, пилон с мраморным барельефом извест-ного хирурга И. Ф. Буша. Слева от входа существовало семейное место Энгельгардтов — гранитный парапет с врезанными досками из черного мрамора. Здесь был похоронен с женой и детьми директор Царскосельского Лицея. На месте уничтоженного памятника долгое время стояла типовая раковина, замененная в 1991 г. камнем с именем Е. А. Энгельгардта. Малоприметный бетонный крест отмечает могилу одного из крупнейших петербургских зодчих рубежа веков — П. Ю. Сюзора, скончавшегося в 1919 г.

По правую сторону главной дорожки, за склепом Чичаговой, можно найти ряд интересных памятников первой половины XIX в. К сожалению, именно с этих участков были перенесены в музей-некрополь надгробия Тома де Томона, А. Бетанкура, некоторые другие. Однако и сейчас здесь можно отыскать монументы, которые отличает благород-ство пропорций и изящество очертаний. Это чугунный портик надгробия Р. Симпсона, созданный при участии скульптора В. И. Демут-Малиновского, надгробие В. Веннига, изготовленное в мастерской А. Трискорни, саркофаг Клэр де Томон, жены архитектора Т. де Томона.

По главной дорожке можно пройти в центральную часть кладбища, где обращает на себя внимание группа памятников на высоком цоколе, отмечающих семейное ме-сто мореплавателей Грейгов. Несколько в стороне — высокая гранитная колонна на могиле художника Ф. П. Брюлло, старшего брата знаменитого живописца. В самом конце главной дорожки виден высокий крест из серого карельского гранита—мону-ментальное надгробие государственного канцлера К. В. Нессельроде, а за ним — семейное место Ламсдорфов, в роду которых был российский министр иностранных дел.

Многие высокохудожественные памятники превращены в руины временем и вандализ-мом наших современников. Так, уже в 1980-е гг. буквально рухнул огромный памятник неизвестному на левой стороне главной дорожки, масштабом и благородством пропорций привлекавший внимание посетителей кладбища. На массивном стилобате-склепе из круп-ных гранитных блоков возвышался жертвенник с урной красивого рисунка. Над дверями склепа были вырублены даты: 1817 и 1820. Совсем недавно варварски сбита и опрокинута в полуразрушенный склеп мраморная скульптура надгробия детей Людвига Нобеля, известного нефтепромышленника, основателя Русского технического общества. В послед-ние годы исчезли находившиеся под охраной

государства памятники лингвисту Ф. И. Видеману, химику Г. И. Гессу, геологу А. А. Иностранцеву, климатологу А. А. Ка-минскому, метеорологу Б. П. Мультановскому, ботанику Э. Л. Регелю, правоведу П. Г. Редкину, астроному Ф. И. Шуберту.

Есть на Смоленском лютеранском кладбище монумент, который совершенством формы, глубиной и тонкостью раскрытия темы может сравниться с наиболее значитель-ными произведениями русского мемориального искусства начала XX в. Эта работа скульптора В. В. Кузнецова хорошо известна, хотя имя погребенного до сих пор не выяснено. Подойти к памятнику можно, свернув влево с главной дорожки в северо-западную часть некрополя. Близ ограды видна сложенная из гранитных плит стенка-портал с закругленным верхом. В нее вмурован полуциркульный мраморный рель-еф с изображением скорчившегося юноши, закрывшего руками склоненную голову. Безмолвное страдание атлетически прекрасного тела, запечатленное скульптором, воспринимается в окружении разоренных памятников и могил как монументальный реквием уникальному явлению петербургской культуры, каким является Смоленское лютеранское кладбище.

С первых лет существования Петербурга население его было весьма пестрым и по этническому, и по конфессиональному составу. Задуманный одновременно как крепость, порт и судостроительная верфь, город на Неве радушно принимал иностранцев — архите-кторов и строителей, мастеров адмиралтейской верфи, ученых, врачей, ремесленников, купцов — всех, кто мог внести лепту в его строительство и развитие.

Наиболее многочисленной группой среди неправославных жителей столицы были протестанты. По преимуществу лютеранским было местное финское население, и после основания Петербурга некоторое время сохранявшее свои деревни (даже в 1770-е гг. в «лесистой части» Васильевского острова отмечалась «чухонская деревушка, в коей около 20 обыкновенных чухонских избушек»). Перебрались в новую русскую столицу шведы из захваченного города Ниеншанца — предшественника Петербурга, основанного в устье Охты в 1611 г. Еще в XVII в. в Ниеншанце существовала лютеранская церковь (известно, что оттуда в 1683 г. в офицерскую церковь в Немецкой слободе в Москве был вызван пастор Мейнке). Наконец, протестантами были многочисленные немцы, голландцы, французы и англичане, приехавшие в Петербург в первые десятилетия его существования. Во второй половине XVIII в. к ним добавились переселившиеся из Германии немецкие колонисты.

Первая деревянная лютеранская церковь была построена в Петропавловской крепости в 1704 гг., когда с основания города минул всего год. После взрыва порохового погреба

частное строительство в крепости строго запретили, и кирху в 1705 г. перенесли на Городской остров. Через пятнадцать лет она вновь «переехала»—на этот раз к Литейному двору, где работало много немцев-лютеран, собиравшихся для молитвы в зале Берг-Коллегии. Позднее, в 1770-е гг., Ю. М. Фельтен возвел вместо этого скромного храма каменную лютеранскую кирху святой Анны. Красивая церковь с полукруглой колоннадой в алтарной части дала название соседней Кирочной улице.

В 1710-е гг. центр города переместился на левый берег Невы, и иностранцы стали селиться близ первого Почтового двора (в районе улицы Миллионной), отчего эту местность несколько десятилетий именовали Немецкой слободой, хотя жили здесь и фран-цузы, голландцы, англичане. Неподалеку находились так называемые финские шхеры, где селились финны и шведы. С 1708 г. лютеране вели воскресную службу в домовой церкви адмирала К. Крюйса. Первым лютеранским пастором в Петербурге был уроженец Геттингена Вильгельм Толль. Для содержания церкви установили сбор «корабельных денег»: команда каждого иностранного судна, приходившего в петербургскую гавань, вносила в церковную кассу пять рублей.

В 1717—1719 гг. в Петербург прибыли голландский и англиканский пасторы, в 1723 г.—реформатский священник. Первое время не только лютеране, но и другие протестанты пользовались кирхой на дворе Крюйса. Первыми отделились голландцы, купившие в 1719 г. для молитвенных собраний и школы отдельное здание. В 1723 г. свою церковь в доме на набережной Невы открыли англичане. Годом позже отдельную общину образовали французские и немецкие реформаты. Первые несколько лет все протестантские общины довольствовались небольшими временными помещениями.

В 1728 г. на Невской перспективе, вблизи Конюшенных улиц, был предоставлен земельный участок для новой лютеранской церкви. По инициативе известного полководца графа Б. Миниха средства на новый храм собирали не только в Петербурге, но и в гер-манских землях. Кирпичное здание церкви святого Петра было освящено 14 июня 1730 г., хотя внутренняя отделка заняла еще восемь лет.

Вокруг немецкой лютеранской церкви постепенно сложился своеобразный центр рели-гиозной жизни столичных протестантов. В 1731 г. построили поблизости, на Б. Конюшен-ной улице, деревянную реформатскую церковь французы, через два года на Невский проспект, в купленный дом Леблона, переехал голландский молитвенный зал, а в 1734 г. позади немецкой церкви был освящен деревянный лютеранский храм, в котором моли-лись финны и шведы. Позднее, в XIX в., все эти церкви были капитально перестроены и обрели вид, достойный главной магистрали российской столицы.

К середине XVIII в. в Петербурге насчитывалось более пяти с половиной тысяч иностранцев, что составило около семи процентов от общего числа жителей. Такое соотношение сохранялось и в XIX в. К началу XX в. нерусское население Петербурга составляло уже около семнадцати процентов населения. Сюда входили не только жившие в городе иностранные подданные, но в первую очередь ставшие петербуржцами выходцы из различных частей империи. Примерно пятую часть нерусского населения составляли немцы, среди которых около десяти процентов были обрусевшими. Родной язык и люте-ранское исповедание сохраняли как выходцы из Германии, так и немцы из германизиро-ванных прибалтийских губерний.

Одним из основных районов расселения петербургских немцев был Васильевский остров. Здесь селились представители ученого сословия—на острове находилось несколь-ко крупных учебных и научных заведений. Много было среди немцев врачей, аптекарей, торговцев, ремесленников, славились немецкие булочники.

С первой половины XVIII в. на Васильевском острове существовало два немецких прихода. Первая лютеранская община была образована в 1728 г. Годом позже на собран-ные по подписке средства прихожане построили на 2-й линии каменный дом, где в 1732 г. были устроены кафедра и алтарь. Здание сильно пострадало от наводнения 1745 г., и церковный конвент решил для возведения нового храма вновь ввести «корабельный сбор» со всех судов, моряки которых ходили в храм слушать богослужение. Кроме того, пожертвования собирали в обеих столицах, в Финляндии и прибалтийских губерниях. Однако средства стекались крайне медленно и новый каменный храм удалось заложить лишь в 1768 г. Сначала церковь называли Островной или Преображенской (по тогдаш-нему названию Васильевского острова), но после освящения 26 января 1771 г. стали именовать Екатерининской, в честь царствовавшей императрицы. Проект изящного храма на углу Большого проспекта и 1-й линии, вмещающего тысячу сто человек, составил архитектор Ю. М. Фельтен. В сторону проспекта обращен четырехколонный портик, над которым возвышается стройный барабан с небольшим куполом, в нишах фасада помеще-ны скульптуры апостолов Петра и Павла.

Второй немецкой церковью на Васильевском острове стала Михайловская. В 1732 г. в Меншиковском дворце по инициативе фельдмаршала графа Б. Миниха была открыта «военная академия»—1-й сухопутный Кадетский корпус. Среди его воспитанников были и юноши лютеранского вероисповедания, дети лифляндских и эстляндских дворян. Поэто-му в кадетский корпус был определен пастор, совершавший воскресные богослужения в большом зале. В 1767 г. для этой цели отвели специальное помещение в

одном из флигелей, где спустя десять лет устроили кафедру и алтарь, освятив церковь во имя архангела Михаила. Богослужения посещали не только кадеты, но и жители соседних кварталов Васильевского острова, которые образовали отдельный приход. В 1842 г. прихожане освятили временную церковь в специально нанятом доме на углу 3-й линии и Большого проспекта и начали сбор средств на постоянный храм. Заложили его в 1874 г. на углу Среднего проспекта и 3-й линии. Проект, разработанный академиком архитектуры Р. Е. Бергманом, изобиловал художественными и конструктивными недостатками. Ос-новательную его переделку осуществил инженер-полковник К. К. Бульмеринк. Церковь святого Михаила в ложноготическом стиле, с высокой башней, увенчанной шпилем, стрельчатыми окнами и перспективным порталом, была освящена в 1876 г. и стала одной из достопримечательностей Васильевского острова.

Возникновение и история Смоленского лютеранского кладбища тесно связаны со старейшей лютеранской церковью святой Екатерины. Кладбище было приписано к этому храму, подчинялось его церковному совету и предназначалось прежде всего для неправос-лавных жителей Васильевского острова. Поскольку среди столичных инородцев преоб-ладали немцы-лютеране, иностранные кладбища XVIII в. чаще всего именовали лютеран-скими или немецкими, хотя погребали на них и католиков, англикан, реформатов и т. д. Эпитет «Смоленское» лютеранское, или евангелическое, кладбище (как и сама речка Смоленка, до того именовавшаяся Черной) приобрело после сооружения в 1760 г. на соседнем православном кладбище церкви Смоленской иконы Божией Матери.

Первые сведения о Смоленском лютеранском кладбище восходят к 1747 г., когда Синод предписал Главной полицмейстерской канцелярии отыскать в городе места для кладбищ «чужестранных иноверных иноземцев». 22 июля того же года архитектор Петр Трезини и священник Матфеевской церкви Михаил Лукин представили рапорт, в котором сообщали, что на Васильевском острове такое место может быть «...к Черной речке... да по другую сторону оной речки подле чухонской деревни, где желают разных вер чужестранные обыватели для погребения мертвых». 30 января 1748 г. полицмейстерская кон-тора определила: «Для погребения разных вер чужестранных архитектору Трезини вышеобъявленное на Васильевском острову место отвесть обще той части с офицерами». Документ этот дает дату первого упоминания о Смоленском лютеранском кладбище. На плане Петербурга 1753 г. отведенный участок обозначен прямоугольником на правом берегу Черной речки, с названием «немецкое кладбище».

Территория некрополя постепенно расширялась в северном направлении. По сведениям И. Г. Георги, автора «Описания столичного города Санкт-Петербурга», с 1764 по 1789 г. здесь хоронили примерно по сорок восемь человек в год. В 1806 г. был дан именной указ «Об устроении дороги к кладбищам в Васильевской части». В нем отмечалось, что по

дороге к кладбищам, «где хранят тела умерших разных исповеданий, как-то: Греко-Российского, Армянского, Лютеранского и Реформатского», от Благовещенской церкви невозможно проехать. Дорога «доселе не вымощена и при необходимом для похорон проезде, в дождливое летнее, а особливо осеннее время, столь затруднительна, что по низкому там местоположению чрезвычайная грязь удерживает проезд в экипажах, кои нередко в грязи ломаются, и с телами умерших останавливают даже и пешеходцев».

Границы лютеранского кладбища окончательно установились к 1836 г., когда церков-ный совет купил за сорок пять тысяч рублей большой смежный участок, принадлежавший статскому советнику Кирееву. По высочайшему повелению сорок тысяч из этой суммы ассигновал Государственный заемный банк. Благодаря протекции шефа жандармов гене-рал-адъютанта графа А. Х. Бенкендорфа ссуду предоставили на льготных условиях—с платежом всего трех процентов и погашением из доходов церкви. Общая площадь кладбища составила после этого примерно пятнадцать гектаров. На запрос Комиссии по устройству кладбищ церковный совет отвечал в 1859 г., что земли для погребений хватит еще на двадцать—двадцать пять лет. Имея в виду перспективу, совет просил преиму-щественного права на покупку соседних участков, хотя возможностью этой не пользовал-ся: так, в 1890 г. было отклонено очередное предложение о продаже соседнего участка. До 1917 г. размер и конфигурация территории оставались неизменными.

Судя по сохранившейся в архиве «Книге записи погребенных за 1912—1919 годы», в это время хоронили ежегодно до трехсот пятидесяти человек. К сожалению, за другие годы подобных данных не сохранилось, так что указать общее число похороненных с 1748 по 1919 г. затруднительно.

Всеми работами на кладбище руководил смотритель, назначавшийся церковным сове-том. Известно, что в 1902 г. вакантное место смотрителя по ходатайству министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа занял Владимир Фогель. В своем ходатайстве министр отмечал, что, посещая свои семейные могилы, он неоднократно мог оценить неизменное усердие и выдающуюся добросовестность этого человека. Купец В. Ф. Фогель жил в трехэтажном каменном доме при кладбище (1898 г., архитектор П. К. Бергштрес-сер) и был не только смотрителем, но и владельцем монументной мастерской, которая помещалась в этом же доме.

Главной заботой церковного совета являлось благоустройство кладбища. В 1864 г. петербургский военный губернатор граф А. А. Суворов-Рымникский запрашивал

церков-ный совет о том, почему сделано распоряжение об отчуждении кладбищенских мест, находившихся в потомственном владении приобретших их лиц. Из ответа явствует, что эта мера предполагалась в отношении тех владельцев, которые к определенному числу не исправят пришедшие в ветхость или испорченные ограды и памятники. Церковный совет отмечал, что высочайше утвержденным уставом евангелическо-лютеранской церкви в Рос-сии ему вменено в обязанность наблюдать за содержанием кладбища в порядке. Продажа места, разъяснял совет, совершается заключением купчей крепости в Гражданской палате и сопряжена с обязательным выполнением условий инструкции для кладбищенского смотрителя. В ней указывается, что купивший семейный участок обязан в течение трех месяцев обнести его оградой. Каждая могила должна быть обложена дерном или от-мечена исправным надгробным памятником, иначе через двадцать пять лет место вновь может быть использовано для захоронения.

Церковному совету принадлежало право установки таксы за погребальные услуги. С прихожан церкви святой Екатерины за квадратный аршин земли взималось двадцать рублей, а с членов иных приходов — пятьдесят. За установку памятника ценой выше сорока рублей в кладбищенскую казну брали десять процентов его стоимости. Получал деньги и выдавал квитанции исключительно смотритель, к нему же обращались и в случае

каких-либо недоразумений. Постановка новых монументов осуществлялась по согласова-нию с церковным советом, который утверждал не только проект, но и текст эпитафии.

Церковный совет и смотритель следили за сохранностью надгробных памятников. Если потомки не имели возможности или не хотели поддерживать памятник в порядке, надгробие убирали. Так, в 1865 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» было поме-щено объявление, что «совет евангелическо-лютеранской церкви святой Екатерины прика-зал убрать 23 разрушившихся памятника, находящиеся во 2, 3, 4, 12, 13 и 14-м разрядах... и просит всех, до кого это касается, справиться о списках этих могил у смотрителя кладбища и озаботиться исправлением или возобновлением памятников, которые в про-тивном случае будут убираемы в июне месяце сего года».

В 1882 г. церковный совет выпустил отдельным изданием перечень «полностью раз-рушенных или представляющих опасность разрушения» надгробий, назначенных к сня-тию. В брошюре перечислено свыше полутора тысяч захоронений, описаны снятые и сохраняемые на кладбищенском дворе памятники, надписи на которых невозможно

прочитать.

Церковный совет и смотритель также обязаны были охранять памятники от изменений и повреждений. В 1898 г. Александра Ивановна Синклер обращалась к совету с просьбой тщательно следить за сохранностью надгробия своей дочери Анны Егоровны, жены известного русского почвоведа В. В. Докучаева, чтобы «в особенности не была допущена постройка павильона, ни извлечение портрета умершей, вставленного в крест».

Смоленское лютеранское кладбище, как и другие иноверческие кладбища в Петербурге, отличал очень высокий уровень благоустройства. Дорожки были вымощены плитами, в оградах устраивались газоны и цветники. Территория была разбита на правильные участки (именовавшиеся разрядами), с нумерацией, возраставшей к северо-западной гра-нице некрополя. Всего было сорок семь участков: девятнадцать в южной и центральной части, остальные — на прирезке, осуществленной в 1836 г. Совет располагал точными сведениями обо всех памятниках. В 1860 г. на запрос Комиссии об устройстве кладбищ о том, сохранились ли на Смоленском лютеранском надгробия XVIII в., был дан ответ, что сохранилось пять архитектурных памятников и восемьдесят три надгробные камен-ные плиты.

Расположение кладбища на низменной, равнинной, затапливаемой при наводнениях местности затрудняло его эксплуатацию. Не всегда удавалось даже вырыть могилу на требуемую глубину в три аршина (два метра шестнадцать сантиметров), так как уже на глубине в полтора аршина выступали грунтовые воды. В 1872 г. кладбищенская комис-сия при медицинском совете Министерства внутренних дел предложила совету церкви святой Екатерины улучшить состояние кладбища путем дренирования территории или подсыпки грунта. Проведенные исследования показали, что дренирование невозможно, так как из-за отсутствия уклона местности во время подъема воды в Смоленке вода будет течь по трубам в обратном направлении. На свободных от захоронений участках подсыпали грунт на высоту семьдесят—сто сантиметров.

О многом говорит заявление церковного совета, поданное в Городскую думу в 1909 г. Совет просил ликвидировать устроенный на площади перед входом на кладбище склад строительных материалов с высоким забором. Этот склад мешал движению экипажей при большом стечении публики в праздничные дни и во время богатых похорон, а также затруднял расстановку войск и артиллерии при погребении с воинскими почестями. Просьба совета была удовлетворена.

В ведении лютеранской церкви святой Екатерины кладбище находилось до 1 февраля 1919 г. С этого числа, согласно декрету от 26 января, кладбище было национализировано и перешло в ведение Комиссариата по внутренним делам. Утрата конфессиональной принадлежности быстро привела к утрате специфического колорита кладбища. Трагедия, постигшая петербургский некрополь в целом, для иноверческих кладбищ была особенно заметной, так как в отличие от многих других городских кладбищ, не слишком благоуст-роенных и в дореволюционное время, здесь одичание и разорение резко контрастировало с прежним их состоянием. Смоленское лютеранское кладбище закрыли в 1939 г., хотя отдельные захоронения происходили здесь вплоть до 1950-х гг.

В годы Великой Отечественной войны на кладбище появилось несколько братских воинских могил. Монумент вблизи главной дорожки напоминает об одном из трагических эпизодов блокадного времени: здесь похоронены дети, погибшие от фашистского снаряда 6 мая 1942 г. Памятник в виде гранитной стелы с рельефом сооружен в 1966 г. (архитек-торы Л. Н. Линдрот, Н. Г. Эйсмонт, скульптор В. И. Гордон).

Серьезные изменения произошли в судьбе Смоленского лютеранского кладбища в 1930-е гг. С организацией в Ленинграде музея-некрополя в Александро-Невской лавре многим старым кладбищам, откуда предполагалось вывезти наиболее ценные памятники, был вынесен смертный приговор. Вопрос о полном уничтожении Смоленского лютеранс-кого не ставился, однако состояние территории и находившихся на ней памятников было весьма плачевным. Поэтому отсюда в Некрополь мастеров искусств 21 октября 1936 г. был перенесен прах скульптора П. К. Клодта. Надгробие на месте перезахоронения было установлено новое, а семейное место Клодтов, где были погребены также брат скульп-тора, другие родственники, оказалось непоправимо разрушенным. Несколько художест-венных надгробий в 1939—1940 гг. перенесли (без перезахоронения) в Некрополь XVIII в. Среди них мраморная стела с могилы скульптора Я. Земмельгака, много работавшего в конце XVIII в. на петербургских кладбищах, гранитный обелиск известного мастера монументальной скульптуры Агостино Трискорни, гранитный саркофаг архитектора Тома де Томона. Позднее и прах зодчего был перенесен в музей-некрополь, тогда как надгробие его жены по-прежнему находится на своем историческом месте на Смоленском кладбище. Переносились и детали отдельных памятников: чугунный саркофаг Р. Сухозанет, брон-зовая фигура с надгробия А. Магира (постамент которого сохраняется в юго-восточной части кладбища). В 1939 г. в музей перенесли скульптурную композицию работы И. П. Мартоса из мавзолея Е. Чичаговой, находящегося у входа на кладбище.

Подобные работы велись, к сожалению, и в послевоенные годы. В 1956 г. в некрополи лавры были перезахоронены (с переносом надгробных памятников) академик Л. Эйлер и лицейский друг А. С. Пушкина адмирал Ф. Ф. Матюшкин, в 1979 г.— выдающийся инженер и механик А. А. Бетанкур. Удручающее состояние Смоленского лютеранского кладбища до известной степени может служить объяснением этих антиисторических переносов. Однако целиком «очистить» этот некрополь от значительных в историческом и художественном отношении памятников заведомо невозможно: их здесь сотни.

Бессмысленные разрушения продолжаются в некрополе и сегодня. Трест Лендорстрой разобрал множество надгробий, использовав гранит для поребриков панелей. Метал-лические ограды и кресты администрация кладбища сдавала в утиль. Так исчезло, например, надгробие металлического литья с могилы архитектора А. А. Парланда, авто-ра проекта знаменитого храма «Спас-на-крови». Многие памятники украдены буквально в последние годы. Исчезновение надгробия ведет к тому, что вскоре теряется и само место захоронения. В 1986 г. были похищены находившиеся под охраной государства памятники с могил садовода Э. Л. Регеля и ректора Петербургского университета П. Г. Редкина, и теперь трудно установить, где находились их могилы. Теряются и отдельные детали памятников: исчез бронзовый барельеф с портретом адмирала А. С. Грейга, был разбит на куски мраморный бюст книгоиздателя М. О. Вольфа работы скульптора Л. Бернштама (бетонная копия также оказалась разрушена). Подобные примеры можно продол-жать бесконечно.

В 1985 г. от кладбища был отрезан значительный участок в северо-восточной части, со стороны переулка Декабристов. На месте уничтоженных могил построили пожарную часть. При этом десятки ценных памятников из гранита и мрамора перетащили в другие части кладбища, многие полностью уничтожили, как, например, замечательное архитек-турное надгробие Бартель и Сталь, выполненное в формах северного модерна. Под «охраной государства» на Смоленском лютеранском кладбище находятся тридцать пять надгробий, но многие из них либо полуразрушены, либо уничтожены целиком.

В 1988 г. на кладбище начались реставрационные работы. Довольно большой участок некрополя вблизи ворот реконструирован и благоустроен. Реставрация отдельных над-гробий ведется и на других участках. Работы, начатые по инициативе общественного совета при Василеостровском районном отделении ВООПИиК, вел кооператив «Обе-лиск».

Расположение Смоленского лютеранского кладбища (современная карта и карта-схема конца XIX - начала XX вв.).